

Принятые сокращения

- Картотека Словаря Рус. Сев. – Картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский государственный университет)
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

B. Орел

ИЗ ДРЕВНЕБАЛКАНСКИХ И ЦИРКУМПОНТИЙСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ

Дак. *диэсема*

Это слово относится к числу наиболее известных дакийских глосс. В ряде исследований оно послужило основанием для далеко идущих выводов этногенетического и лингвоисторического характера, а потому, на мой взгляд, нуждается в детальной критической ревизии. Название растения *диэсема* ‘*Verbascum*’ (*Diosc.*) приводится как дакийский перевод греч. φλόμος (собственно, φλόμος ‘пламя’), ср. нем. *Himmelbrand* или *Fackelkraut*. Параллельный фрагмент псевдо-Апулея дает нам варианты *diessathel*, *diessachel* и *diesapter* (*Pseudoap.*).

Особый интерес этому слову придавало многократно повторявшееся предположение¹, что оно сохранилось как субстратный элемент в южно- и западнославянском названии травы (возможно, *Verbascum*), ср. болг. *дивизна*, диал. *дивизма* ‘вид полевой травы’, с.-хорв. *divizma* ‘*Verbascum thapsus L.*’, ст.-чеш. *divizna* ‘название растения’, чеш. *divizna* то же, слвц. (стар.) *divizna* то же (БЕР 5, 385 с литературой²). Однако никакой связи здесь, конечно же, установить нельзя. Славянский фитоним явным образом отражает праславянский диалектизм *divizna, образованный от *divo с суф. *-izna, а формы на -m- естественно признать вторичными (ЭССЯ 5, 33). Этот частный случай полностью вписывается в более общий тезис: южнославянские (а тем более, западнославянские) языки, отражая крайне малочисленные раннеалбанские и восточнороманские заимствования, субстратной лексики древнебалканского происхождения не содержат вообще³, что, разумеется, весьма существенно для понимания этнических условий, в которых происходила миграция славян на Балканы.

Греческие синонимы дак. *диэсема*, среди прочего – греч. λυχνῖτις, производное от λύχνος ‘факел’, и θρυαλλίς, собств. ‘фитиль’,

позволили Йоклю выдвинуть ставшую классической и общепринятой этимологию **διέσεμα** как продолжения и.-е. **d̥iues-eus̥m̥*, где первая часть восходит к и.-е. **d̥iues-* ‘небо’ (основа ср. рода, как в др.-инд. *divasá* ‘день’), а вторая – имя на *-men-* от и.-е. **eus-*, ср. др.-инд. *ōṣati* ‘гореть’ (Pokorný I, 347–348)⁴. Попытки пересмотреть это толкование полностью или частично к удаче не привели⁵. Дополнительную весомость придали этимологии Йокля работы В. Георгиева, не устававшего во всех своих работах подчеркивать методическую важность мнимого и истинного перевода при интерпретации топонимов и гласс⁶. Вместе с тем, именно данная гласса и данная этимология оказались существенными для В. Георгиева в его (заметим здесь, весьма неудачной) попытке доказать близость историко-фонетических механизмов в дакийском и праалбанском – переход **ei > e*, действительно отмечающийся в албанском, находил более или менее точную параллель в данной этимологии дак. **διέσεμа**⁷.

Между тем, этимология Йокля все-таки вызывает возражения, и довольно серьезные. Прежде всего, *s*-основа ср. рода **d̥iues-* не за- свидетельствована широко и неизвестна в качестве первого элемента сложений. Нет достаточных оснований, чтобы предполагать для дакийского переход **-sm-* в *-s-*. Наконец, весьма сомнителен постулируемый переход **ei > e*, для которого **διέσεμа** оказывается единственным заслуживающим упоминания примером. Главное же возражение заключается в том, что эта этимология объясняет только форму **διέσεμа**, оставляя в стороне все прочие известные варианты: *diessathel*, *diessachel* и *diesapter*. Правда, последняя форма может быть истолкована в духе связи *-apter* с греч. ἄλττρα ‘фитиль’, ἄλτω ‘светить, гореть’, однако это скорее объясняется как вторичная грекизация более старых и непрозрачных *diessathel* и *diessachel*, соотношение которых с **διέσεμа** и нуждается в этимологической интерпретации⁸.

Возвращаясь по-новому к приему мнимого/истинного перевода, о котором шла речь выше, вопрос можно поставить так: какие этимологические выводы можно сделать из несомненного тождества **διέσεμа** и *diessathel ~ diessachel*? Сохраняя в общих чертах объяснение первого компонента обеих гласс, можно несколько модифицировать его, предположив в **διέσ**(*σ*)-, *dies-* не *s*-основу среднего рода, а скорее, форму генитива **d̥iues-* от и.-е. **d(i)ieus* ‘небо, божество неба’, ср. такой генитив как первую часть композита в греч. фесс. Διες-χουριαδεω (Schwyzer I, 547). Вторые компоненты **διέσεμа** и *diessathel ~ diessachel*, как я думаю, взаимопереводимы и продолжают две разных формы индоевропейского названия семени: в то время как в **διέσ**е^{ма} можно видеть континуант **s̥ē-tn̥*, ср. лат. *sēmen*, герм. **sēmōn >* д.-в.-н. *sāmo*, др.-prus. *semen*, лит. *semenys* ‘льняное семя’, слав. **sēmę*, в (*dies*)*sathel ~ (dies)sachel* мы обна-

руживаем старое *sē-tlo-, совпадающее с лит. sēklà ‘семя’. Таким образом, значение *диёсема* и *diessathel* ~ *diessachel* – ‘божье (или небесное) семя’.

Можно задаться вопросом, принадлежат ли обе формы к одному и тому же этноязыковому источнику. Это не исключено (как можно видеть на примере литовского, *sē-men- и *sē-tlo- вполне могут сосуществовать в одной языковой среде), но и совершенно не обязательно. Ведь классификация обеих гласс как дакийских в античных источниках вовсе не претендует на аккуратность и, в лучшем случае, лишь приблизительно указывает исходный ареал (а в худшем – дает совершенно искаженную картину, ср., например, фрак. ὥξάλμη ‘меч’, скорее всего отражающее герм. *skalmō > др.-исл. skálm ‘короткий меч’, или дак. ֆαθιβіðа, вероятный кельтизм⁹). Эта особенность этнических привязок глассового материала заслуживает того, чтобы постоянно о ней помнить – как применительно к дакийскому, так и во всех остальных случаях.

Дак. *диёллеіна*

Это дакийское название белены зафиксировано как *диёллеіна* (*Diosc.*, *dielina* (*Pseudoap.*)). По аналогии со славянским названием белены (с достаточно проблематичной праславянской реконструкцией – *belnъ, но и *belena), которое традиционно считалось образованным от цветообозначения ‘белое (растение)’, что ныне, впрочем, убедительно оспаривается (ЭССЯ 1, 187), Дечев предложил уравнять *диёллеіна* с арм. *detin* ‘бледный’¹⁰ < *dheleno-. Эта эффектная этимология была полностью воспринята Георгиевым¹¹, для которого толкование Дечева оказалось особенно важным, ибо подкрепляло еще одну предположительную дако-албанскую фонетическую изоглоссу – переход краткого *e в дифтонгическое -ia-, -ie-. Те сведения, которыми мы располагаем относительно хронологии и условий этого процесса в албанском (где такой переход бесспорно имел место)¹², настраивают на крайний скептицизм по отношению к каким бы то ни было сопоставлениям с дакийским. Сам дакийский материал, предположительно поддерживающий дифтонгизацию *e, весьма ненадежен этимологически; хороший пример такой ненадежности – дак. хотіата, название пырея, якобы идентичное рус. *котята!*¹³

Сказанное, похоже, подталкивает к тому, чтобы отказаться от этимологии Дечева и поискать в ином направлении. Такую возможность, думаю, предоставляет бросающееся в глаза сравнение совпадающих первых частей в *диёллеіна* и *диёсема* и *diessathel* ~ *diessachel*, из которого вытекает и кажущееся вероятным объяснение: *диёллеін*

va продолжает *d̥iues-*linā*, где второй компонент (который надо, видимо, толковать как сингуляризованный плюраль ср. рода) неотделим от индоевропейских названий льна, ср. греч. λίνον, лат. *linum*, скорее всего, представляющих собой древнюю ближневосточную (египетскую) кальку¹⁴.

Дак. *приáдилा*, *теúдилा*

Дак. *приáдилा*, *приáдηла* ‘бриния’ соответствует греч. βρυωνία μέλαινα, лат. *taminia* или *vitis alba* (Diosc.) и традиционно толкуется как сложение, первая часть которого *приа-* восходит к и.-е. *prijo->др.-инд. *priyá-* ‘любимый’, авест. *frya-* то же, лат. *pro-prius* ‘собственный’, валь. *rhydd* ‘свободный’ (Bartholomae 1026; Walde-Hofmann II, 373–374; Mayrhofer II, 378–379; Pokorný I, 844), а вторая продолжает дакийское название травы – *dila ~ *zila < и.-е. **dhal-* ‘расты, цветсти’¹⁵ или **ghel-* ‘трава’ = слав. **zelъje*¹⁶.

Эта этимология имеет несомненные достоинства в том, что касается ее первой части, хорошо соответствующей семантически характеру называемого растения. Несомненно в поддержку этого решения говорит и действительно встречающийся и хорошо вычленяемый второй компонент, несомненно присутствующий в других дакийских формах, ср., например. дак. *доу́дηла* ‘тысячелистник’ (Diosc.) *diodela* id. (Pseudoap.), *теúдилा* ‘дикая мята’ и под. Впрочем, системное вычленение элемента *dila ~ *zila может оказаться и весьма обманчивым, как показывает, к примеру, случай дак. *про-тöдилà*, в котором есть все основания видеть основу **pro-pod-* и суффикс *-il-.¹⁷ Поэтому представляется позволительным пренебречь мнимой системностью в этимологии *приáдилà*, *приáдηла* в поисках возможного цельнолексемного соответствия. Таковым оказывается герм. **frijōdelō(n)* > др.-исл. *friðla* ‘любимая, возлюбленная’, д.-в.-н. *friudila* id., соотносительное с м.р. *frijōdelaz > др.-исл. *friðill* ‘любовник, возлюбленный’, др.-сакс. *friuthil* ‘любимый’, ср.-н.-н. *vridel* то же, д.-в.-н. *friudil* то же. Германская форма м.р., разумеется, точно соответствует слав. *prijatēlъ ‘друг, приятель, любимый’, что несомненно определяет и происхождение герм. *-d- из *-t-, и в то же время вполне удовлетворяет требованиям к семантике дакийской гlosсы.

Если наша догадка верна и дак. *приáдилà*, *приáдηла* действительно тождественно герм. **frijōdelō(n)*, остается задаться вопросом: действительно ли перед нами дакийская форма? Не более ли правдоподобно видеть в *приáдилà*, *приáдηла* вполне аккуратную передачу пра германской формы? И не является ли *приáдилà*, *приáдηла* одной из старейших фиксаций древнегерманского слова?

Аналогичный вопрос может быть поставлен и применительно к дак. τεύδιλα ‘дикая мята’ (Diosc.). Приятный запах мяты, мотивирующий, например, ее греческое название – καλαμίνθη – уже давно навел исследователей на мысль о связи τεύδιλа с гот. *þiuf* ‘добро’¹⁸, однако связь эта использовалась для объяснения первой части предполагаемого композита с тем же дак. *dila ~ *zila как вторым компонентом. Между тем, в τεύδιλа можно видеть либо цельнолексемное соответствие, либо, скорее, прямое отражение герм. *peudilō, суффиксального производного от *þeuðjaz > др.-исл. þýðr ‘добрый, приветливый, любезный’, др.-англ. ze-þýðe ‘хороший’, сп.-и.-н. *ge-diede* ‘благосклонный’¹⁹.

Миз. μενδρουτά

Принятая ныне этимология миз. μενδρουτά·λειμώνιον ‘чемерица’ (Diosc.), основанная на текстуре листьев этого растения с прожилками и видящая в нем производное от и.-е. названия мяса *tēmts-r-iiā²⁰, нуждается, на мой взгляд, лишь в некоторых – но довольно существенных – уточнениях. В то время как суть ее – связь с и.-е. *tēmts- – целесообразно сохранить, суффиксальное оформление в данном случае кажется выбранным *ad hoc*, просто для того, чтобы объяснить все слово в целом.

Между тем, удерживая в интерпретации μενδρουτά элемент *tēmts-, отразившийся, как я думаю, только в сегменте μεν-, целесообразно считать все слово в целом композитом, а вторую его часть – дρουτά возводить к и.-е. *dr̥uitā или, скорее, к *drouitā, целиком соответствующему греч. δρόγτη ‘деревянная ванна’ и дакийскому топониму Δρούβητις, собственно, *‘деревянное (поселение)’²¹. Эти формы продолжают одну из абраутных разновидностей и.-е. *deru- ‘дерево’.

Таким образом, μενδρουτά объясняется как композит *tēmts-drouitā ‘растение с мясистыми прожилками’ *vel sim.*

Дак. Ӧлма

Эта дакийская гlossen – название бузины – засвидетельствована в идентичных формах Ӧлма (Diosc.) и *olma* (Pseudoap.). Общепринятое объяснение предложено Томашеком²², который выводил Ӧлма из и.-е. *uolmā, к *uēl- ‘крутить’, ср. греч. ἔλυμος·αύλος, Ӧлмоς ‘круглый камень’. Как и любая корневая этимология, эта в той же мере потенциально верна, в коей – и недоказуема. Возможен и иной подход, а именно – увязка дак. Ӧлма с индоевропейскими названиями вяза, в том числе, с лат. *ulmus* < *lmos, герм. *elmas ~ *almaz > др.-исл.

almr, др.-англ. *elm*, д.-в.-н. *elm* и со слав. *jьльть < *(*u*)*lm̥os* (Walde-Hofmann II, 811–812; Pokorný I, 303; ЭССЯ 8, 222–223)²³. Заемствование из латыни, видимо, следует сразу исключить ввиду различий в морфологическом оформлении. Начало дакийского слова может указывать как на старый слоговой *l, так и на **ul-* (что может предполагаться для славянского слова или некоторых его вариантов). В семантическом плане соотношение значений ‘бузина’ и ‘вяз’ различительно напоминает пропорцию между слав. *bъзъ ‘бузина’ и его предполагаемым индоевропейским источником – названием буки или дуба, ср. греч. φηγός ‘дуб’, лат. *fagus* ‘бук’, герм. *bōkz ‘бук’ > др.-исл. *bók*, др.-англ. *bōc*, д.-в.-н. *buoh* (Pokorný I, 107; Фасмер I, 184–185). Хотя эта этимология славянского названия бузины в последнее время оспаривается (Sławski I, 30–31; ЭССЯ 3, 144–145), параллелизм между нею и моим объяснением дакийского слова может свидетельствовать о правомерности обоих сопоставлений.

Греч. μίνθη, ἄχερδος

Греческое название мяты – μίνθη – наряду с другими этимологически туманными греческими формами (в том числе, многими названиями растений) остается необъясненным. Последняя серьезная попытка сплошной этимологизации подобных слов принадлежит В. Георгиеву²⁴, который, преодолевая сложившуюся с конца XIX в. традицию, видевшую в этом слое доиндоевропейские элементы²⁵, предложил новое их толкование как следов особого, отличного от греческого, индоевропейского языка – “пеласгского”, предположительно близкого к фракийскому. Сегодня кажется несомненным, что в ряде случаев Георгиев был прав и выделенные им лексические элементы действительно имеют индоевропейские этимологии и характеризуются негреческими фонетическими чертами, ср., например, βαλιός ‘белый’ (древний македонизм?), ίδη ‘дерево’, σῦς ‘свины’ (македонизм?). Это, однако, не позволяет идентифицировать их как “пеласгские” и справедливо далеко не для всех таких слов (и тем более сомнительно поспешное отождествление пеласгского с фракийским) – некоторые из них оказались семитизмами или заимствованиями из анатолийского²⁶, другие так и остались без удовлетворительного толкования.

Эта последняя – весьма значительная по размеру – лексическая группа (преимущественно относящаяся к культурной лексике) по-прежнему ожидает надлежащего объяснения. Можно предполагать, что некоторая ее часть усвоена из языков восточного побережья Черного моря, в том числе, из северокавказского или его ранних продолжений. Убедительным примером является греч. πύρος ‘башня’, неясные отношения которого с герм. *burgz > гот. *baurgs*

‘замок, укрепление’, др.-исл. *borg* ‘холм, стена, замок, город’, др.-англ. *burg* ‘укрепление, замок, город’, др.-фриз. *bur(i)ch* то же, др.-сакс. *burg* то же, д.-в.-н. *burg* то же (с надежными соответствиями в авест. *bərəz-* ‘высокий’, арм. *baγr* то же) привели Георгиева к этимологическому отождествлению греческого (“пelasгского”) и германского слов (Frisk II, 630 с более ранними толкованиями)²⁷. Между тем, греч. πύρος, скорее всего, отражает с.-кавк. *borGw ‘сарай; башня’ (последнее значение сохранилось в западнокавказском), прослеживаемое далее в урарт. *burg-anā-* ‘башня, крепость’²⁸.

Подобный северокавказский источник можно предположить и для некоторых греческих названий культурных растений. Это прежде всего относится к названию груши ḥ̄ērdbōs (Frisk I, 199), сравнение которого с алб. *dardhē* ‘груша’ следует отклонить²⁹. Значительно более вероятной представляется интерпретация ḥ̄ērdbōs как заимствования из вост.-кавк. *qHürdi ‘груша’ > лак. *qułrt*, арч. *χlert*, которое представляет собой суффиксальное образование от с.-кавк. *qHüre то же³⁰.

Наконец, такого же происхождения, вероятно, и загадочное греч. μίνθη ‘мята’ (Frisk II, 241–242), которое я объясняю как отражение северокавказского названия крапивы **m̄hāñč!* (в лезгинском также – ‘съедобные травы’)³¹. Сходство подчеркивается в данном случае сходством кулинарно-медицинских функций мяты у греков и кулинарной роли крапивы на Северном Кавказе.

‘Кормилица Черного моря’

В блестательном этюде О.Н. Трубачева³², открывшем серию его – в разной мере убедительных – исследований по индоарийским следам в Северном Причерноморье, была предложена интерпретация относящейся к Азовскому морю гlosсы Плиния *temarundam matrem maris*. По предположению Трубачева (с опорой на некоторые предшествующие работы), туземное *temarunda-* членится на *tem-* ‘черный, темный’ (как в др.-инд. *tám-as-* ‘тьма’), *arun-* (к хетт. *aruna-* ‘море’, др.-инд. *áṛṇa-* ‘волна, вал, прилив’) и *da-* (именная форма, восходящая к и.-е. **dhe(i)-* ‘кормить, вскармливать’). Согласно этому объяснению, суммарное значение *temarunda-* – ‘кормилица Черного моря’, что прекрасно соответствует переводу Плиния. Нерешенной проблемой, конечно, остается этнолингвистическая привязка этого интересного слова: автор этимологии предпочитал видеть в *temarunda-* индоарийский элемент; мне же представляется более перспективной связь его с другими поздними малоазийскими элементами северно-причерноморской топонимики, в том числе, с названием местности *Artek*³³.

Этимология *temarunda-* может теперь получить, как я думаю, важное дополнительное подтверждение, для чего нам придется обратиться к областям, находящимся на противоположном берегу Черного моря, буквально *напротив* Меотиды, а именно к ареалу распространения фригийского языка и языков его анатолийских соседей. Здесь наше внимание привлекает название Тембрия (Τέμβριον, Τέμβρις, *Thymbris* по Стефану Византийскому и Плинию), фригийского города и, одновременно, самого крупного притока одной из самых значительных рек региона – Сангария. Верховья и среднее течение Сангария и Тембрия – зона многочисленных памятников старо- и новофригийского письма; о языках и населении нижнего Сангария мало что известно. Ясно, однако, что имевшееся основное водное течение Сангирием, а не Тембрием – весьма обычный случай произвола географов. Вся река – от истоков Тембрия и до впадения в море – может рассматриваться как Тембрей.

На берегу верхнего Тембрия, во фригийском городе Дорилае (*Dorylaion*), находится плита с неоднократно публиковавшейся новофригийской надписью № 48³⁴. Ее текст (после разбиения на слова) выглядит следующим образом:

₁ειτῳ ₂ιουμεօօ ₂ νι օօ ₃ιοσ ναδρօտօσ ₃ ειτου μιτρօφατα ₄ κε ₅ιασ
τεμρօγε ₆ιοσ κε ₆ιουντασ ₅ βασ κε ₆ενταρօνα ₆ δοιμω κε ₇ οι ουω ₇ βαν
αδβажет ороу

Не стремясь осуществить здесь анализ всего текста и отсылая читателя к синтаксическим и грамматическим деталям интерпретации (в частности, понимания βασ = ‘то биши, дескать’) в другом месте³⁵, остановимся только на содержании строк 3–6, благо как синтаксис, так и значительная часть лексики в этом отрывке известны: ειτου μιτρօφατα κε ₅ιασ τεμρօγε ₆ιοσ κε ₆ιουнτασ βασ κε ₆ενταρօνα δοιμω κε. Это предложение может быть переведено следующим образом: “Да будут как в ..., так и в совете (доица) Митропата (божество иранского происхождения,ср. *mitra-pata*) и Ма̄с Тεμρօγε, который же (есть) Πουνταс”.

Ма̄с Тεμрօгε, видимо, божество, выступающее в паре с теонимом Митропатом. Ма̄с – синтаксический центр этого словосочетания с подчиненным ему генитивом Тεμрօгε, поясняемым тут же как Πουнταс. Что касается Ма̄с, то этот теоним неотделим от малоаз. Mā, Mās ‘богиня-мать’, ср. также греч. вок. μᾶ γῆ = μῆτερ γῆ ‘матер-земля’ и μᾶ ‘мать’. Что касается Πουнταс, то это, по-видимому, передача греч. ὁ Πόντος ‘Черное море’ с характерным для позднефригийских памятников переходом краткого *o* в *i*. Некоторую трудность может вызвать появление ḥ-основы во фригийском слове, что, однако, может объясняться как необходимостью согласования с Māс, так и общей морфологической тенденцией фригийских па-

мятников переводить некоторые *o*-основы в *ā*-основы, ср., например, ст.-фриг. *lava-* ‘народ, войско’ как соответствие греч. λαός.

Мы можем теперь перейти к Тεμρούε – синониму Πουντας. Его связь с названием реки Тембрей несомненна и позволяет видеть в Тεμρούе старый композит, первая часть которого, τεμρ-, продолжает и.-е. *temsro- ‘темный’ > др.-инд. *tamsra-* или *temro- то же > > др.-инд. *tartrá-*. Второй компонент -ού может быть отождествлен с соответствующей частью “карийского” эпитета Зевса ‘Оо-оӯ, глоссированного в древности как Ζηνο-ποσειδῶν (Eust.). Согласно Кречмеру³⁶, ‘Оо-оӯ’ означает божество ‘неба и моря’, так что элемент -οӯ- (малоазийского или собственно фригийского происхождения) может быть с достаточной долей вероятности интерпретирован как слово со значением ‘море’. Дальнейшая его этимология³⁷ (к др.-исл. *vág* ‘море’, *wág* ‘волна, вал’?) не столь существенна для анализа цепочки фригийских имен собственных. В любом случае, словосочетание Μας Τεμρούε, то есть Πουντας нельзя понять иначе как ‘матер (кормилица) Черного моря, то есть Понта’ – фраза, разительно напоминающая Плиниевское *temarundam matrem maris*, но относящаяся к источнику черноморских вод на противоположном (южном) берегу того же морского бассейна. Оба толкования, взаимно укрепляя друг друга, одновременно заставляют нас задаться вопросом, какие культурные и этнические связи могли вызвать к жизни и распространить эту необычную метаформу. Но это уже тема для другой работы.

Примечания

¹ Так уже у Томашека – Tomaschek W. Die alten Thraker // Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. CXXX. 1893, 32.

² Однако *-t-* здесь почти наверняка вторично.

³ См. уже: Орел В.Э. Состав и характеристика субстратного фонда балканославянских языков. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1980.

⁴ Jokl N. // Eberts Reallexikon. XIII, 287.

⁵ Так, предложение Дечева (*Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957, 547) выводить вторую часть сложения -ефа из и.-е. *jem- ‘держать’ только ослабляет семантические подпоры этимологии Йокля, слегка подправляя вытекающие из нее формальные сложности, о которых см. ниже.

⁶ См.: Georgiev V. Introduction to the History of Indo-European Languages. Sofia, 1981, 108–111.

⁷ Georgiev V. Op. cit., 110–111.

⁸ *Detschew D. Ibid.* предложил отождествить второй компонент *diessathel* ~ *dies-sachel* с лит. *sótis* ‘сытость, насыщение’ и др.-ирл. *sáith* ‘сытость’, что едва ли может быть принято по семантическим соображениям.

⁹ См.: Орел В.Э. Об интерпретации древнекельтских глосс // Язык и культура кельтов. М., 1988, 37–39.

¹⁰ *Detschew D. Op. cit.*, 546.

¹¹ Georgiev V. Op. cit., 121–122.

- ¹² См.: *Orel V. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language.* Leiden, 2000, 3–6.
- ¹³ *Georgiev V.* Op. cit., 122. Столы же неудачно ключевое для постулированной дифтонгизации старого *e в дакийском объяснении дак. ὥκαρψ ‘чертополох’ из и.-е. *sker- ‘резать’ (*Georgiev V.* Op. cit., 123). Вероятнее всего, перед нами греческим, субстантивированная форма ж.р. от греч. ὥκαρψ, ὥκερψ ‘тенистый’.
- ¹⁴ Об этом см.: *Orel V. Indo-European Notes // IF*, 100, 1995, 116–128.
- ¹⁵ *Detschew D.* Op. cit., 556.
- ¹⁶ *Georgiev V.* Op. cit., 121.
- ¹⁷ *Detschew D.* Op. cit., 557.
- ¹⁸ См.: *Hirt H. Die Indogermanen.* II. Strassburg, 1907, 593; *Detschew D.* Op. cit., 561.
- ¹⁹ См.: *Heidermanns F. Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive.* Berlin; New York, 1993, 621–623.
- ²⁰ *Georgiev V.* Op. cit., 125.
- ²¹ Разумеется, прямое сравнение Δρουβητίς с алб. мн.ч. *drutë* ‘деревья’, предложенное Георгиевым, неприемлемо, так как алб. -të – формант мн.ч., а не суффикс (*Georgiev V.* Op. cit., 123).
- ²² *Tomaschek W.* Op. cit., 34.
- ²³ Структура корня в славянском остается неразъясненной.
- ²⁴ См.: *Georgiev V. Vorgriechische Sprachwissenschaft.* Sofia, 1941, passim и многие более поздние работы того же автора.
- ²⁵ См.: *Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache.* Göttingen, 1896; *Idem. Die protindogermanische Schicht // Glotta.* XIV, 1925, 300–319.
- ²⁶ См.: *Georgiev V. Introduction to the History of Indo-European Languages.* Sofia, 1981, 100.
- ²⁷ Ср., например. греч. ἀσάμινθος ‘ванна’, продолжающее не *ākmen- ‘камень’, а аккад. *nemsēti*, диал. (угарит.) *namsītu* ‘умывальный таз’ (см. *Szemerényi O. Scripta Minor. III.* Innsbruck, 1987, 1575).
- ²⁸ См.: *Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian Etymological Dictionary.* M., 1994, 311. Об урартском слове см. также: *Diakonoff I.M., Starostin S.A. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language.* München, 1986, 18.
- ²⁹ См.: *Orel V. Albanian Etymological Dictionary.* Leiden; Boston; Köln, 1998, 56 (с литературой).
- ³⁰ *Nikolayev S.L., Starostin S.A.* Op. cit., 893.
- ³¹ *Nikolayev S.L., Starostin S.A.* Op. cit., 808.
- ³² *Трубачев О.Н. Temarundam matrem maris. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная балканистика. 2. Предварительные материалы.* М., 1975, 38–39.
- ³³ Вопреки предложенному объяснению из индоарийского (*Трубачев О.Н. Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология* 1979. М., 1981, 112–114), этот топоним все-таки лучше всего может быть понят в свете хетт. *hatagga-* ‘медведь’.
- ³⁴ См.: *Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler.* Sofia, 1966, 171.
- ³⁵ Более подробно см.: *Orel V. The Language of Phrygians.* Ann Arbor, 1997.
- ³⁶ *Kretschmer P. Varuna und die Urgeschichte der Inder // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* XXXIII, 1933, 14.
- ³⁷ Сюда же, видимо, относится и любопытное название мифической реки Океан – ‘Ωγήν (Hes.), что может потребовать и этимологического анализа греч. Ὠχεανός.